

УДК 1

НОВАЯ СИНХРОННОСТЬ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: СОЦСЕТИ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ВРЕМЕНИ

© Е. Е. Таратута

Таратута
Екатерина Евгеньевна
кандидат философских наук,
доцент

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»
Департамент социологии,
Санкт-Петербургская школа
социальных и гуманитарных
наук
e-mail: kate_taratuta@mail.ru
etaratuta@hse.ru

В данной статье рассматривается то, каким образом наступление цифровой эпохи сказывается на нашем ощущении времени и соответствующих социальных конструкциях времени. Главным изменением в этом отношении, происходящим в связи с повседневным распространением технологий, является изменение конфигурации и смысла ключевой ситуации лицом-к-лицу, что ведет за собой другие изменения.

Ключевые слова: цифровая эпоха, соцсети, социальная конструкция времени, ситуация лицом-к-лицу.

Согласно концепции социологии знания, разработанной П. Бергером и Т. Лукманом, наша жизнь конструируется вокруг здесь-и-сейчас моего тела¹, что дает именно фокус реальности, контур того, что мы воспринимаем как непосредственную реальность нашего бытия. Однако представление о моменте здесь-и-сейчас прежде (в доцифровую эпоху) предполагало, что этот момент существует не сам по себе, в некоем бытийном и социальном вакууме, но на протяженности времени и пространства, воспринимаясь лишь в каждой специфической точке этой протяженности как здесь-и-сейчас, и эта специфическая точка задается каждый раз физическим присутствием в ней субъекта, о котором идет речь.

Технологии в последнее время существенно размыли и видоизменили эту конструкцию.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

В этой статье я рассматриваю вопрос о том, как именно они уже изменили ее к данному моменту и какие дальнейшие изменения происходят с ней сейчас.

Время и пространство стали теперь артикулированными, выраженными словесно и изобразительно, например, на странице в соцсети, — и точка присутствия субъекта в мире тоже стала цифровой и вербализованной, переместившись на ту же самую страницу. Теперь наше здесь-и-сейчас организовывается не вокруг нашего физического тела и его физического же присутствия в физическом, меняющемся времени и пространстве, — а вокруг нашей репрезентации в интернете, — чаще всего той же нашей странички в соцсетях. Наша репрезентация в виде странички не живая и, в общем, у нее нет экзистенции, протекающей в реальном физическом времени. Страничка, как и всякая текстовая презентация, метит сразу в вечность, в том смысле, что эта презентация во всяком случае останавливает время, как и свойственно всякой неживой вещи, а тем более опубликованному тексту. В этой связи возникает вопрос — насколько сильно мы отождествляемся с нашими страницами в соцсетях? Ответ для каждого человека будет разным, но все же, видимо, мы должны признать, что «в целом — достаточно сильно». Известный афоризм Билла Гейтса гласит: «Если тебя нет в Интернете — ты не существуешь».

Можем ли мы считать, что теперь каждый из нас сцентрирован вокруг здесь-и-сейчас нашей репрезентации в интернете (скорее, чем вокруг здесь-и-сейчас нашего физического тела)? Или что это стало верным если не полностью, то, по крайней мере, в существенной степени?

Чем определяется течение времени для человека, который как минимум по несколько, а то и по многу раз в день проматывает ленту соцсетей? Эта деятельность всегда одинакова, она не дает представления о разнице времени суток или сезонов года... Днем и ночью и ранним утром кто-то из друзей присутствует онлайн, с кем-то можно переписываться, с кем-то, например, даже среди ночи вдруг поговорить по скайпу... Означает ли это, что в эпоху соцсетей времени суток для нас больше не существует? Распространяется ли это ощущение «конца времени» также и на времена года, и на смену лет? И в целом на ощущение жизни как протяженности, состоящей из различных периодов (времени), которые когда-то имели свойство отличаться друг от друга и представляли собой, так или иначе, заметную смену картин по времени?

Видимо, открыточки о праздниках и посты о смене сезонов в соцсетях всерьез едва ли могут здесь идти в расчет. Это воспринимается как просто один из видов контента нашей френдленты, который едва ли имеет отношения к нашему экзистенциальному, то есть — к нашей личной конструкции времени. В отличие от того, когда мы наблюдаем смену сезонов в физической реальности вокруг нас и участвуем телесно в праздновании праздников, картинки в соцсетях кажутся не большей частью реальности, чем, например, кино. Вернее, все они имеют одинаковый статус чуть-чуть недореальности, некоторой недостаточной онтологии²... фантазии, пространства художественного произведения или просто даже не слишком художественной текстовой среды... Об их онтологическом

---

² См. подробнее: *Тарутына Е. Е.* Социальный смысл виртуальной реальности. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007.

статусе можно спорить, но, к чему бы эти споры не привели, картинки в соцсетях про то, что «пришла весна» практически едва ли в состоянии играть роль того, что мы привыкли считать как индикаторы хода времени. Все это не обнаруживает, не показывает — и тем самым не задает нам — нам ни смены дня и ночи, ни понимания того, кто и что находится рядом с нами в разное время суток и года (то есть, смены по времени контекста, в который мы погружены), то есть — самое главное — не позволяет нам синхронизации или несинхронизации по времени с другими людьми и миром в целом. Вернее, этот новый контекст соцсетей позволяет нам синхронизацию моментальную и фиксированную, не протяженную во времени и не разворачивающуюся в нем, но некоторым образом застывшую на отметке «здесь-и-сейчас», синхронизацию не динамическую, но статическую.

Электронные средства коммуникации создали некое вечное «сейчас», в котором можно написать, ночью людям неблизким, общение с которыми конвенционально и дистанция гораздо дальше, чем та, что могла бы предполагать обмен репликами в два часа ночи, — и вдруг тут же получить ответ. Учитывая, что переписка в живом времени создает ощущение непосредственного общения, можно сказать, что это свойство мессенджеров, соцсетей, да и даже старого доброго e-мейла отменять временную разметку действий в приватном и публичных пространствах разрушает также и наше прежнее представление о границах приватного и публичного как таковых, в целом, поскольку эти границы были когда-то достаточно плотно связаны именно с разметкой времени и мест взаимодействий, дозволенных или недозволенных при определенном статусе приватности.

Нарушение временной разметки, на самом деле, трансформирует и/или отменяет также и другие социальные конвенции и границы, так как эти социальные конвенции и границы в существенной степени сконцентрированы вокруг именно временной разметки социального времени, — например, выполнение рабочих задач или обучение, платежи и покупки онлайн, оформление документов онлайн и т. д. Если пользователи могут делать все это круглосуточно и тогда, когда это удобно им, то как пользователи мы не можем не приветствовать это горячо... но как исследователь я не могу не отметить, что при этом мы утрачиваем ощущение второй стороны, общающейся с нами, как некоего одушевленного субъекта. Мы начинаем ощущать эту вторую сторону как чистую функцию, нечто машинизированное, нам сложнее становится видеть, что за этим стоит также человеческая логика и человеческое взаимодействие. По крайней мере, сначала в нашем восприятии, вероятно, алгоритмизируются вторая сторона таких взаимодействий и сам процесс, — но самое интересное — это то, что происходит после... Начинаем ли мы в дальнейшем и себя самих воспринимать несколько алгоритмизированным образом, как участников взаимодействий с машиной? Во всяком случае, ситуация лицом-к-лицу благодаря технологиям стала возникать в нашей жизни в последнее время заметно реже, чем это бывало еще совсем недавно, — и это обстоятельство не может не менять нашего ощущения от социальных взаимодействий, нашего понимания, что эти взаимодействия из себя представляют и как они устроены.

Вечное «сейчас» настраивается также через средство стилистического единства, однообразия устройства контента, который мы читаем онлайн каждый

день. Вероятно, когда-то можно было читать, например, книги, написанные в разных стилях, и понимать, что они представляют различные эпохи и таким образом ощущать перспективу, смутно чувствовать прошлое через эту стилистическую смену, контуры которой мы черпали из текстов. К тому же, это был язык больших авторов, людей, которые виртуозно владели словом и возможностями выражения духа и настроения своей эпохи в написанном тексте. В интернете практически сразу со времени его возникновения с большим отрывом произошла победа непосредственного, живого, разговорного языка, — что по-своему замечательно, и представляет собой совершенно уникальное явление в истории мировой культуры — однако трудно не отметить, что это отключает по сути стилистическую разметку смены эпох... Мы больше почти не видим текстов, написанных мастерами именно литературного текста (я не говорю здесь о мастерах, например, копирайтинга для онлайн-изданий), если рассматривать долю текстов мастеров от того количества текста, которое мы воспринимаем теперь ежедневно, а воспринимаем мы ежедневно тексты получается что уже на существенно большую часть именно онлайн. Те же тексты мастеров, которые мы все-таки встречаем среди текстовой среды интернета, часто и сами стараются теперь говорить языком нашей френдленты, совершенно справедливо видя в этом современность и тренд времени и понятным образом стараясь найти путь к читателю через копирование и освоение этого языка. Доходит ли эта ситуация до того, что, если текст выбивается стилистически из общей струи, то он и вовсе не будет иметь шансов на внимание читателей, т. к. в этом случае будет сочтен ими несовременным и именно поэтому — нежелательным, ненужным?

Есть такое выражение на английском языке, которое описывает наши ощущения от жизни в соцсетях и постоянном онлайн — *fear of missing out*, страх упустить что-то (важное). Что именно при этом мы боимся упустить? Действительно ли мы боимся при этом упустить какую-то часть информации, «пролетающей» мимо? Мне представляется, что едва ли тут речь идет именно об информации — никто из нас не относится к ней настолько трепетно. Наоборот, по мере того, как ее становится все больше, привлечь наше внимание к ней становится все сложнее, что хорошо известно, например, маркетологам, журналистам и тем же писателям...

Тем не менее, мы без конца «проверяем» соцсети... Если мы не воспринимаем при этом представленную там информацию, — то чем, собственно, мы при это занимаемся? Возможно, эта наша деятельность обнаруживает именно то, что мы боимся упустить сам ход времени, физическое ощущение его хода? Возможно, нас при этом тревожит именно это «вечное сейчас», которое демонстрируется нам контентом интернета и за которым нам справедливо чувствуется подвох — поскольку мы еще помним и смутно ощущаем, что наше собственное физическое существование совсем не стало вечным, несмотря на всю стилистическую ровность френдленты, в которой ход времени, практически, ничто не выдает. Однако мы привыкли уже к физическому вневременно контенту нашей френдленты... и не менее сильно, чем это вневременно, нас фрустрирует и наше выпадение в оффлайновое пространство, где первое, с чем мы неотвратимо сталкиваемся, — именно физический ход времени, старый

добрый (совсем такой же как в доинтернетную эпоху, а мы отвыкли) и неумолимый. Отключение интернета моментально возвращает нас в старинную систему устройства мира, систему координат, где ощущение реальности задается точкой здесь-и-сейчас нашего физического существования. И это ощущение, ставшее уже непривычным, оказывается для нас слишком неудобным, слишком требующим некоторой иной степени экзистенциальной вовлеченности и физического присутствия... и тогда мы снова ныряем в интернет.

Что же происходит с человеком, утрачивающего видимые критерии и разметку физического хода времени, — а с ними и инстинкт этого самого хода? Что происходит при этом с нашими внутренними часами, как биологическими, так и социальными? Действительно ли мы утрачиваем при этом чувство реальности не только того, что происходит перед нами на экране компьютера или смартфона, но и реальности нашей оффлайновой, физической жизни и начинаем просто «смотреть кино» вместо того, чтобы жизнь жить? Во всяком случае, некоторое влияние ощущения (приятной) «нереальности», возникающее при просмотре интернет-контента на то, что и наша физическая оффлайновая экзистенция начинает восприниматься нами как, некоторым образом, менее реалистичная, чем было до наступления погруженности в мир соцсетей и мессенджеров, представляется вполне очевидным.

Видимо, еще одним ближайшим следствием отключения настолько базовых разметок жизни как «прежнего», ранее привычного формата ощущения физического времени и пространства, может стать трансформация нашего умения строить планы и вообще нашей воли к тому, чтобы это делать, в том числе и умения рассчитать достижение результатов по времени, — а также и желания и стремления вообще это делать. Ощущение, при котором мы стали бы говорить «время, вперед!», подгонять в нетерпении, — вероятно, может теперь начать посещать нас гораздо реже, чем бывало в мире до интернета.

Кроме того, сложнее становится видеть образцы и примеры других людей как уже воплощенные результаты проектов развития. Я далека, конечно, от мыслей о том, что все эти способности у нас совершенно отключатся, но то, что они трансформируются существенным и до конца пока не видимым нам образом — не вызывает сомнений. Возможно, все это лишь повысит нашу чувствительность к ставшим гораздо менее, чем в доинтернетовскую эпоху, явными проявлениям, знакам различий? Косвенное подтверждение такого поворота событий можно видеть, например, в языке современной моды в одежде, где обозначение каких-либо различий между людьми стерто, кажется, как еще никогда ранее — и все же различия существуют и мы прекрасно их видим и считываем... Однако при этом мы довольно отчетливо понимаем, что различия эти стали гораздо менее явными и видимыми, чем это было даже десять лет назад, не говоря о двадцати или тридцати. Не только какие-то различия в самой одежде, отличительные особенности, но и даже и, например, украшения сейчас не в тренде. Взрослых людей, привыкших к более явному языку различий, это может, например, раздражать или угнетать («нет возможности продемонстрировать свой статус привычным и понятным неюному человеку образом — явным, видимым, читаемым»). Подростки, которые в этом родились и выросли, относятся к этой «вроде бы нечитабельности»,

конечно, спокойно и вполне уверенно читают все нужные коды. Можно ли сделать вывод, что сами эти коды существенно упростились, то есть сами обозначаемые ими различия стали более сглаженными? Думаю, едва ли хотя бы потому, что в любом случае эта затрудненная читаемость, коды не отменяет и даже не упрощает, наоборот, существенно усложняет.

Возможно, затрудненная читаемость социальных кодов различий связана еще и с тем, что в этой новой картине мира труднее понимать, в чем именно состоят различия. Про деньги все более-менее ясно (хотя про количество денег теперь гораздо труднее «прочитать» по человеку, чем некоторое время назад), а вот что еще оказывается важной характеристикой и — глубже — основой самосознания и экзистенции современного человека в эпоху соцсетей? Что создает внутренний смысл для человека и становится основой его ощущения себя — и в то же время социально разделяемо, читаемо и подтверждаемо другими? Можно, конечно же, научиться считывать даже сложноспрятанный, неявный код — если понимать, о чем он, вообще... и, соответственно, скрытые проявления чего именно нужно искать.

Если принять во внимание, что я начала свое рассуждение именно с того, что постоянное присутствие онлайн и в соцсетях некоторым образом стирает наше ощущение движения времени, превращая жизнь в «вечное сейчас», — то можно предположить, что «раньше» некоторое внутреннее содержание человека строилось именно как производная от времени, а также разворачивалось и манифестировалось во времени, то есть представляло собой накопленный опыт проживания разных состояний и ситуаций с соответствующим социальным кодом обнаружения этого опыта и демонстрации другим, и подтверждения другими, что они эту манифестацию этого опыта видят и считывают. В мире «вечного сейчас» накопление опыта проживания жизни оказывается внезапно не имеющим локации (где его разместить в собственном проживании, как обозначить? где его показывать и как? даже — каким образом его скрывать, не обнаруживая, уж если на то пошло?). Отсутствие же места для этого накапливаемого опыта вдруг будто бы делает этот опыт — или его накапливание, размещение во времени и пространстве — не имеющим и смысла тоже, и, вроде как, даже права на существование, присутствие.... и уж, по крайней мере, точно не имеющим формы, способа выражения. Исчезновение времени дает исчезновение пространства — и может казаться, что вместе с этими формами исчезает и их контент, смысл, который там размещался и разворачивался. Если манифестация индивидуального опыта — экзистенциального и социального — больше не разворачивается во времени, а предстает, например, на нашей страничке в социальной сети некоторым портфолио, воспринимаемым теми, кто на него смотрит, одновременно, — то, вероятно, это трансформирует сам концепт опыта и наше представление о нем. Каким именно образом это происходит и каково содержание трансформации — вероятно, пока мы не можем еще увидеть достаточно отчетливо, — однако это важный вопрос на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва, 1995.
2. *Таратута Е. Е.* Социальный смысл виртуальной реальности. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007.